

подобной рационализации не имело ни экономических, ни правовых возможностей.

Аграрная реформа 1861 года была крайне своевременным шагом в деле предотвращения социального взрыва в русской деревне. Вместе с тем освобождение крестьян « без земли » со всей очевидностью показало классовый характер реформы и ее приоритеты. Правительство более всего было озабочено спасением «утопающего» класса помещиков, а не созданием основ современного (по понятиям того времени) земледелия. Дело в том, что к 1861 году этот привилегированный класс, в массе своей **не** способный к эффективному хозяйствованию на земле, оказался на грани финансового банкротства. Общая задолженность помещиков различным кредитным и ростовщическим учреждениям достигла астрономической по меркам того времени суммы в 425,5 млн. руб., что вдвое превышало доходную часть государственного бюджета [9,с.49]. Фактически обладая правами рабовладельцев, помещики при совершении долговых сделок в качестве залога нередко предлагали «живой товар». К 1861 году большинство крепостных крестьян России, а точнее **65%** от их общей численности были заложены и перезаложены их владельцами [5, с.160].

Высочайший Манифест от 19 февраля 1861 г. даровал крестьянам личную свободу. То есть, «бывший крепостной, у которого ранее помещик мог отнять все его достояние, а его самого продать, подарить, заложить, теперь получал не только возможность свободно распоряжаться своей личностью, но и ряд гражданских прав: от своего имени заключать разного рода гражданские и имущественные сделки, открывать торговые и промышленные заведения, переходить в другие сословия»[5, с.156]. Безусловно, все это давало простор крестьянскому предпринимательству. Однако главный вопрос – вопрос о земле и земельных порядках - реформа решала **не** в пользу крестьян. Достаточно сказать, что в результате «нового передела» помещичье землевладение значительно увеличилось за счет крестьянских отрезков. В итоге 9860 тыс. душ мужского пола бывших крепостных крестьян получили 33,7 млн. десятин* (в среднем по 3,4 десятины на душу), а у 100,5 тыс. помещиков оказалось 69 млн. десятин земли, т.е. в два раза больше крестьянской [5, с.158-159]. Несправедливость в решении земельного вопроса будет становиться все более очевидной по мере роста аграрного населения страны. Протест крестьянства против установленных земельных порядков выльется в конечном итоге в первую русскую революцию 1905-1907 гг. Но в 1861 г. власть откровенно встала на защиту интересов «своего» класса и возвела в ранг закона право собственности

* 1 десятина = 1,09 га

помещика на **всю** землю в имении, в том числе и на крестьянскую надельную. Крестьяне же, объединенные в общину, объявлялись лишь пользователями надельной землей, обязанными отбывать за нее установленные законом повинности (оброк или барщину) до момента выкупа своих наделов у помещика.

Перевод крестьян на выкуп надельной земли являлся для них мерой принудительной. У основной массы крестьян денег для совершения выкупных операций просто не было и правительство об этом прекрасно знало. В ходе разработки механизма аграрной реформы было найдено «соломоново решение»: провести выкупную операцию за счет казны, а на крестьян возложить соответствующие долговые обязательства перед государством. Согласно принятой схеме, казна выплачивала помещикам **сразу** же деньгами и ценными бумагами 80% выкупной суммы, если крестьяне данного имения получали высший надел, установленный законом для соответствующей почвенно-климатической зоны (полосы), и 75% - если им предоставлялся надел менее высшего. Остальные 20-25% (так называемый дополнительный платеж) крестьяне обязаны были уплатить помещику - сразу или в рассрочку. Выкупная сумма, выплаченная помещикам за счет средств казны, рассматривалась как предоставленная крестьянам ссуда, подлежащая взысканию в течение 49 лет по ставке 6% годовых. Таким образом, бывшие крепостные крестьяне должны были выплатить государству до 300% предоставленной им «ссуды».

Общая сумма выкупа за крестьянские наделы была определена в 867 млн. руб., в то время как рыночная стоимость этих наделов в ценах 1863-1872 гг. составляла 648 млн. руб.[5, с.160]. А.В. Чаянов считал, что реальная стоимость надельной земли была еще меньше—544 млн. руб. И, говоря о положении крестьян, он отмечал: « Их заставили переплатить 323 миллиона рублей» [11, с.25]. Фактически же с 1862 по 1907 гг. бывшие помещичьи крестьяне выплатили казне 1 540 570 тыс. руб. выкупных платежей и все еще оставались ей должны. Однако мощное аграрное движение крестьян в революции 1905-1907 гг. заставило правительство прекратить взимание выкупных платежей с 1 января 1907 г.

Если не принимать во внимание социальную составляющую проблемы, то осуществленная выкупная операция оказалась крайне выгодной как для казны, так и для помещиков. Последние вообще получили исторический шанс— за счет выкупных средств полностью рассчитаться со своими кредиторами и начать перестройку хозяйства на капиталистических началах (или, говоря словами классика, пойти по «прусскому» пути развития земледелия). Стартовый капитал для этого дала реформа. Полученная от

государства сумма полностью покрывала долги помещиков и даже обеспечивала им «прибыль» в 441,5 млн. руб. Сельское хозяйство того времени было весьма привлекательной отраслью для инвестиций. Бурное развитие промышленности и рост городов во всем мире приводили к устойчивому росту спроса на сельскохозяйственную продукцию, сырье и продовольствие. Условия внутренней и внешней торговли этими товарами были весьма благоприятными. В середине XIX века, к примеру, торговля сельскохозяйственной продукцией между европейскими странами была почти свободна от тарифов, пошлин и других ограничений. Лишь к концу 80-х годов произойдет перенасыщение европейского продовольственного рынка, разразится длительный аграрный кризис и европейские страны пойдут по пути аграрного протекционизма.

Что же касается русского помещичьего землевладения, то безусловно нужно отметить, что небольшая его часть будет стремиться идти в ногу со временем, ориентироваться на рынок и заинтересованно развивать сельское хозяйство. Самое главное – оно будет понимать необходимость рационализации производства, важность специальных сельскохозяйственных знаний в этом непростом занятии.

Казалось бы, такое мышление в условиях новых реалий должно было быть присуще всему высокообразованному классу. В свое время знаменитый немецкий ученый Юстус Либих писал профессору Петровской земледельческой и лесной академии П. А. Ильенкову: «Русское земледельческое дворянство должно же понять, что ему необходимо запастись сельскохозяйственными знаниями, если оно не хочет идти навстречу верной гибели» [5, с.12]. История показала, что к такому пониманию в массе своей российское дворянство не пришло. Веками тиражируемые классовые предпочтения и привычки, к сожалению, возобладали над разумом. Нежелание заниматься какой бы то ни было полезной деятельностью, тем более земледелием, дало о себе знать сразу же после начала реформы.

А.Н.Энгельгардт, через десять с лишним лет после реформы в своих знаменитых письмах «Из деревни...», отмечал: «Система хозяйства не изменилась, все ведется по-старому, как было...при крепостном праве, с тою только разницею, что запашки уменьшены более чем на половину, обработка земли производится еще хуже, чем прежде, количество кормов уменьшилось, потому что луга не очищаются, не осушаются и зарастают; скотоводство же пришло в совершенный упадок...большинство помещиков, бросив имения, убежало на службу» [6, с.11-12].

С появлением большого количества банков, государственных и акционерных, землевладельцы-помещики все чаще стали прибегать к их услугам, стремительно

накапливая уже новые долги. (То есть опять встали на привычный для себя путь, в надежде на то, что «родная» власть как всегда их не бросит). Единственным обеспечением, которое они могли предложить в пореформенное время, был залог земель. Если общая задолженность дворян в 1872 г. составляла 134,3 млн. руб., в 1886 г.- 529,6млн., в 1895 г.-1028,7 млн., то в 1904 г. она уже достигла 2074 млн. руб.[6, с.12]. По данным из того же источника, долг лежал на 127420 имениях общей площадью 53,6 млн. десятин. В 1904 году это равнялось площади всего помещичьего землевладения. То есть, в канун революции 1905-1907 гг. практически весь класс помещиков оказался банкротом. Нетрудно сосчитать, что если в канун реформы 1861 года в среднем на одно имение приходилось 4234 руб. долгов, то к 1905 г. эта сумма выросла почти в 4 раза и составила 16279 руб.

Выступая в марте 1907 г. на заседании II Государственной Думы депутат Караваев отмечал: «Интенсификация помещичьего хозяйства идет крайне плохо, если она идет. За десять лет, министерство (*имеется ввиду созданное в 1894 г. Министерство земледелия-авт.*), собирая сведения, могло найти в 50 губерниях всего только 1.840 культурных имений, с общей культурной площадью в 4.000.000 десятин» [2, с.97]. Речь шла, таким образом, об 1-2% имений, в которых было сосредоточено 6-8% помещичьих земель.

Что же касается крестьянства, то существующие земельные порядки, практически поголовная неграмотность, гнет выкупных платежей и действующая система налогообложения оставили ему мало шансов для рационализации земледелия.

Характеризуя уровень развития сельского хозяйства в дореволюционной России, Н.А.Крюков в своей лекции (1904 г.) говорил о трехсотлетнем периоде застоя: «Земледелие в большей части России застыло на трехполье, изобретенном еще во времена Бориса Годунова; скотоводство находится в полной зависимости от того количества трав, которое само собой родится на выгонах и лугах; несмотря на крайнюю ограниченность теперь этих угодий, вследствие увеличившегося населения, почти нигде ничего не делается, что бы улучшить пастбища или чтобы усилить естественную производительность лугов. Одним словом, строй хозяйства в общем остается таким же, каким он был 300 лет назад, с той только существенной разницей, что прежде все недостатки этого строя искупались громадным избытком всяких земельных угодий...» [6, с.21].

Примитивные технологии и орудия труда позволяли крестьянству обеспечивать свое пропитание при существующих системах землепользования на уровне простого биологического выживания. Даже в конце XIX века, если судить по материалам

высочайше утвержденной 16 ноября 1901 г. комиссии, большинство российских крестьян не могло обеспечить хлебом собственные семьи и фуражом домашний скот, не говоря уже о масштабных товарных поставках сельскохозяйственной продукции. Вместо продовольственной нормы в 20 пудов* хлеба на одного человека и фуражной нормы 40 пудов овса на одну лошадь при сложившейся урожайности получалось соответственно 16,6 пуда хлеба и 23 пуда овса [6, с.27]. Периодически же повторяющиеся недороды грозили стране массовым голодом и приобретали черты национального бедствия. Именно в эти моменты истории у властей наступало какое-то прозрение, срочно создавались всевозможные комиссии, выделялась помощь голодающим, имитировалась бурная общественная деятельность. Однако «беда проходила, горе забывалось, от попыток наладить более или менее устойчивое хозяйствование отказывались» [6, с.205].

С.Ю. Витте, один из немногих политиков России начала XX века, осознавший всю глубину крестьянского вопроса в своих мемуарах отмечал: «Я составил себе также совершенно определенные мнения, в чем заключается беда и как ее нужно лечить. Государство не может быть сильно, коль скоро главный оплот его – крестьянство слабо. Мы все кричим о том, что Российская Империя составляет 1/5 часть земной суши и что мы имеем около 140 000 000 населения, но что же из этого, когда громаднейшая часть поверхности, составляющей Российскую империю, находится или в совершенно некультурном (диком), или в полукультурном виде и громаднейшая часть населения с экономической точки зрения представляет не единицы, а полу- и даже четверти единиц» [1, с.192].

В своей пламенной речи на заседании II Государственной Думы упоминавшийся ранее депутат Карavaев подверг резкой критике пореформенную аграрную политику царского правительства. Он, в частности, говорил: «Мы знаем, к чему пришла Россия после 45 лет, которые прошли после освобождения. Мы знаем, что для увеличения производительности крестьянского хозяйства, ни правительством, ни правящими классами ничего не было сделано». И далее оратор отметил: «Что нужно для увеличения производительности? Средства, знания, самодеятельность».[2, с.95].

Несмотря на эмоциональность своего выступления, депутат Карavaев во многом был прав. Ни средств, ни знаний, ни самодеятельности действующая политика самодержавия по большому счету крестьянству не предоставила. Более того, и в пореформенную эпоху основное налоговое бремя в государстве было возложено на

* 1 пуд = 16,3 кг

крестьянство. Оно по-прежнему оставалось низшим, «податным» сословием. Казалось бы, исходя из интересов бюджета, власть должна была быть заинтересована в экономическом подъеме деревни – главного налогоплательщика державы. Однако, как это часто бывало в истории Отечества, политические соображения ставились выше экономических. Похоже, что к призыву Победоносцева К.П. (влиятельного политика эпохи Александра III и Николая II) -«а больше всего бойтесь просвещения народа» - власти относились вполне серьезно.

Отдельные, спорадические и, поэтому, малоэффективные попытки улучшить крестьянское земледелие, конечно же, предпринимались в истории России. И не раз. Однако впервые вопрос о необходимости создания **системы** распространения сельскохозяйственных знаний и оказания агрономической помощи крестьянам будет поставлен российскими земствами лишь на исходе XIX столетия.

Правительство осознает необходимость подобных шагов только в период столыпинской аграрной реформы и то только применительно к той части крестьян, которая захочет выйти из общины и стать хуторянами.

1.3. Земская модель агрономической помощи населению

Земства как органы местного самоуправления были учреждены в России вскоре после начала аграрной реформы 1861 г. Положением «О губернских и уездных земских учреждениях» от 1 января 1864 г. предусматривалось введение земств в 34 губерниях, т.е. примерно в половине губерний страны. Земская реформа не распространялась на Сибирь, Архангельскую, Астраханскую и Оренбургскую губернии, где не было или почти не было помещичьего землевладения, а также на так называемые «национальные окраины» Российской Империи – Польшу, Литву, Кавказ, Казахстан и Среднюю Азию.

В основу формирования земских органов была положена идея сотрудничества классов при ведущей и направляющей роли дворянства.

Земские органы формировались на двух уровнях – губернском и уездном. Депутаты земских собраний назывались гласными, поскольку обладали правом голоса. Вначале избирались гласные уездного земского собрания. Выборы происходили по куриям. Все избиратели уезда делились на три курии: 1) уездных землевладельцев, 2) городских избирателей и 3) выборных от сельских обществ. Для гласных от первых двух курий был установлен значительный имущественный ценз, но выборы были прямыми. Для гласных же от «крестьянской» курии имущественного ценза не предусматривалось, однако был введен механизм многоступенчатых выборов: сначала сельский сход выбирал представителей на волостной сход, на котором выбирались выборщики, а затем